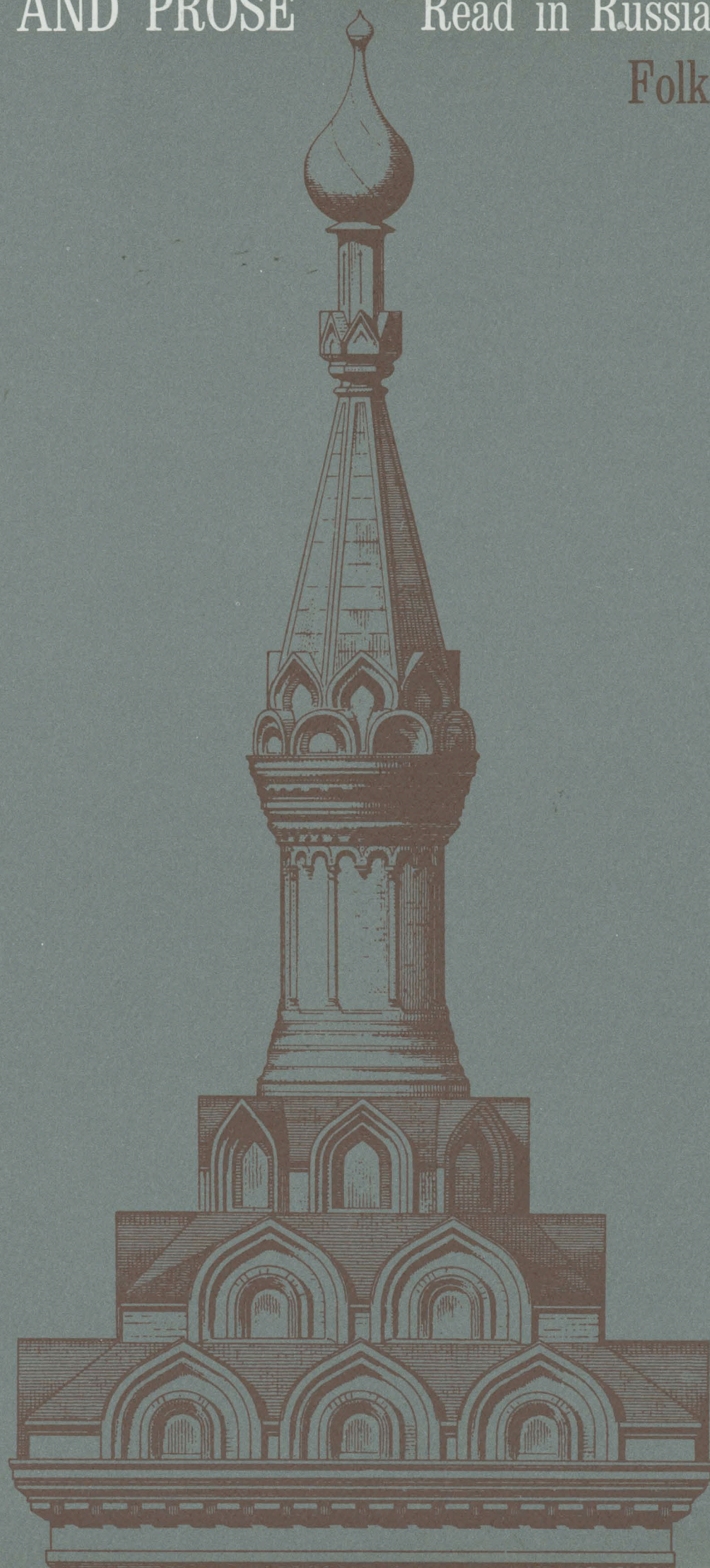

RUSSIAN POETRY AND PROSE

Read in Russian by Vladimir Markov

Folkways Records FL 9961

COVER DESIGN BY RONALD CLYNE

PG
3230.5
M37
1961
c.1

MUSIC LP

CONTENTS:
1 sound disc
text

University of Alberta Library

0 1620 0506 6715

SIDE I
ALEXANDER PUSHKIN:
Band 1: THE QUEEN OF SPADES
Band 2: INVOCATION
    A. OSTROVSKY:
Band 3: THE THUNDERSTORM
    FYODOR TYUTCHEV:
Band 4: A. TO A RUSSIAN WOMAN
    B. DO NOT REASON . . .
    FYODOR DOSTOEVSKY:
Band 5: AN ONION

SIDE II
ALEXANDER BLOK:
Band 1: A. A STRANGER
    B. INCANTATION BY FIRE AND DARKNESS (9th Poem)
    C. ON THE KULIKOVO BATTLEFIELD
    LEO TOLSTOY:
Band 2: RESURRECTION (excerpt)
    ANTON CHEKHOV:
Band 3: THE JEST
    MAYAKOVSKY:
Band 4: HOW TO TREAT A GIRL
    VERA PANOVA:
Band 5: IN OLD MOSCOW (Excerpt)

RUSSIAN POETRY AND PROSE

Read in Russian by Vladimir Markov

DESCRIPTIVE NOTES ARE INSIDE POCKET

Library of Congress Catalogue Card No. R 64-581
© 1961 FOLKWAYS RECORDS & SERVICE Corp.
701 Seventh Ave., New York City
Distributed by Folkways/Scholastic Records.
906 Sylvan Ave., Englewood Cliffs, N.J. 07632

PG
3230.5
M37
1961

MUSIC LP

RUSSIAN POETRY AND PROSE

read in Russian by Vladimir Markov

NOTES

This record, in its selections, does not aim at an exhaustive presentation of Russian literary masterpieces. Such outstanding writers as Gogol, Lermontov, and Turgenev are omitted because of the limitation of the scope of this recording. It aims rather at stylistic, chronological, genre, and regional variety.

A student who has had a year of Russian and who has a basic knowledge of Russian grammar, can benefit from the use of this record to make further progress in the language and for his personal pleasure.

The notes include some background information about the works selected, as well as translations of words and phrases which normally do not lend themselves to exact translation with the aid of the commonly used dictionaries of Smirnitsky and Muller.

SIDE I

Band 1:

Александр Сергеевич Пушкин (1799 - 1837)

"Пиковая дама", глава 5

В эту ночь явилась ко мне покойница баронесса фон-В***. Она была вся в белом и сказала мне: "Здравствуйте, господин советник!"

Шведенбург.

Три дня после роковой ночи, в девять часов утра, Германи отправился в *** монастырь, где должны были отпевать тело усопшей графини. Не чувствуя раскаяния, он не мог однако совершенно заглушить голос совести, твердившей ему: ты убийца старухи! Имея мало истинной веры, он имел множество предрассудков. Он верил, что мертвая графиня могла иметь вредное влияние на его жизнь, - и решил явиться на ее похороны, чтобы испросить у ней прощения.

Церковь была полна. Германи насилу мог пробраться сквозь толпу народа. Гроб стоял на богатой катафалке под бархатным балдахинном. Усопшая лежала в нем с руками, сложенными на груди, в кружевном чепце и в белом атласном платье. Кругом стояли ее домашние: слуги в черных кафтанах с гербовыми лентами на плече и со свечами в руках; родственники в глубоком трауре, - дети, внуки и правнуки. Никто не плакал; слезы были бы -- *une affectation*. Графиня так была стара, что смерть ее никого не могла поразить и что родственники давно смотрели на нее, как на отжившую. Молодой архиерей произнес надгробное слово. В простях и трогательных выражениях представил он мирное усупение праведницы, которой долгие годы были

тихим, умирительным приготовлением к христианской кончине. "Ангел смерти обрел ее, - сказал оратор, - бодрствующую в помышлениях благих и в ожидании жениха полуночного". Служба совершилась с печальным приличием. Родственники первые пошли проститься с телом. Потом двинулись и многочисленные гости, приехавшие поклониться той, которая так давно была участницею в их суетных увеселениях. После них и все домашние. Наконец приблизилась старая барская барыня, ровесница покойницы. Две молодые девушки вели ее под руки. Она не в силах была поклониться до земли, - и одна пролила несколько слез, поцеловав холодную руку госпожи своей. После нее Германи решил подойти ко гробу. Он поклонился в землю и несколько минут лежал на холодном полу, усыпанном ельником. Наконец приподнялся, бледен как сама покойница, взошел на ступени катафалка и наклонился... В эту минуту показалось ему, что мертвая насмешливо взглянула на него, прищуривая одним глазом. Германи, поспешно подавшись назад, отступился и навзничь грянулся об землю. Его подняли. В то же самое время Лизавету Ивановну вынесли в обмороке на паперть. Этот эпизод возмутил на несколько минут торжественность мрачного обряда. Между посетителями поднялся глухой ропот, а худощавый камергер, близкий родственник покойницы, шепнул на ухо стоящему подле него англичанину, что молодой офицер ее побочный сын, на что англичанин отвесил холодно: Oh?

Целый день Германи был чрезвычайно расстроен. Обедая в уединенном трактире, он, против обыкновения своего, пил очень много, в надежде заглушить внутреннее волнение. Но вино еще более горячило его воображение. Возвратясь домой, он бросился, не раздеваясь, на кровать и крепко заснул.

Он проснулся уже ночью: луна озаряла его комнату. Он взглянул на часы: было без четверти три. Сон у него прошел; он сел на кровать и думал о похоронах старой графини.

В это время кто-то с улицы взглянул к нему в окошко, - и тотчас отошел. Германи не обратил на то никакого внимания. Через минуту услышал он, что отпирали дверь в передней комнате. Германи думал, что денщик его, пьяный по своему обыкновению, возвращался с ночной прогулки. Но он услышал незнакомую походку: кто-то ходил, тихо шаркая туфлями. Дверь отворилась, вошла женщина в белом платье. Германи принял ее за свою старую кормилицу и удивился, что могло привести ее в такую пору. Но белая женщина, скользнув, очутилась вдруг перед ним, - и Германи узнал графиню!

-- Я пришла к тебе против своей воли, - сказала она твердым голосом, - но мне велено исполнить твою просьбу. Тройка, семерка и туз выиграют тебе сряду, - но с тем, чтобы ты в сутки более одной карты не ставил и чтоб всю жизнь уже после не играл. Прощай тебе моя смерть, с тем, чтобы ты женился на моей воспитаннице Лизавете Ивановне...

С этим словом она тихо повернулась, пошла к дверям и скрылась, шаркая туфлями. Германн слышал, как хлопнула дверь в сенях, и увидел, что кто-то опять поглядел к нему в окошко.

Германн долго не мог опомниться. Он вышел в другую комнату. Денщик его спал на полу; Германн насилу его добудился. Денщик был пьян по обыкновению: от него нельзя было добиться никакого толку. Дверь в сени была заперта. Германн возвратился в свою комнату, засветил свечку и записал свое видение.

"The Queen of Spades" (1833), Pushkin's masterpiece in prose, is a story about a possessed man. Hermann, an officer, hears a legend about the old Countess who knows the secret about three winning cards. To obtain this information, he pretends to be madly in love with the Countess' young ward, Lizaveta Ivanovna (Liza), manages to hide in the old woman's bedroom, and, literally, scares her to death when he threatens her because she would not disclose the secret.

In the chapter recorded here, Hermann attends the old lady's funeral. All the chapters in "The Queen of Spades" are preceded by epigraphs that often underline the action ironically; in this case, the epigraph is from the Swedish mystic, Swedenborg (1688-1772). In his prose Pushkin strove for precision and brevity. The naked simplicity of his narrative at times conceals subtle irony.

отпевать тело to read funeral service
(literally, "to sing away the body")

усопшая	deceased
гербовые ленты	armorial ribbons
отжившая	not among the living
надгробное слово	funeral oration
успение	here: passing away
праведница	saintly woman
умилятельный	moving
обрел (from обрести)	found

"бодрствующую в помышлениях благих и в ожидании жениха полуночного"

"awake in pious meditations and waiting for the midnight bridegroom". Pushkin ironically quotes from the bishop's oration, which abounds in heavy archaisms. The reference is to St. Matthew, XXV.

суетные увеселения	frivolous amusements
барская барыня	housekeeper
ровесница	person of the same age
поклониться в землю	to bow down to the ground
подавшись назад	having stepped away
грянуться об землю	to fall to the ground
паперть	porch of a church
камергер	chamberlain
побочный сын	natural son
трактир	restaurant
кормилица	childhood nurse
мне велено (from велеть)	I have been ordered

сряду	here: if played in succession
с тем - при условии	
воспитанница	ward
сени (в сенях)	anteroom
опомниться	to collect one's wits
добиться толку	to get, after much effort, a clarification of some matter from a person who is difficult to understand.

Band 2:

Заклинание

О, если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые,
И с неба лунные лучи

Скользят на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы, -
И тень зову, я жду Лейлы:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,
Бледна, холодна, как зимний день,
Искажена последней мукой.
Приди, как дальняя звезда,
Как легкий звук иль дуновение,
Иль как ужасное виденье,
Мне все равно: сюда, сюда!..

Зову тебя не для того,
Чтоб укорять людей, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтоб изведать тайны гроба,
Не для того, что иногда
Сомнением мучусь... но, тоскуя,
Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я твой: сюда, сюда!

Не дай мне Бог сойти с ума.
Нет, легче посах и сума;
Нет, легче труд и глад.
Не то, чтоб разумом моим
Я дорожил; не то, чтоб с ним
Расстаться был не рад:

Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
Нестройных, чудных грез.

И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
В пустыне небеса;
И силен, волен был бы я,
Как вихорь, рожкий поля,
Ломящий леса.

Да вот беда: сойди с ума,
И трашен будешь как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку как зверка
Дразнить тебя придут.

А ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья,
Не шум глухой дубров --
А крик товарищей моих,
Да брань зрителей ночных,
Да визг, да звон оков.

Когда за городом, задумчив, я брожу
И на публичное кладбище захожу,
Решетки, столбики, нарядные гробницы,
Под коими гниют все мертвецы столицы,
В болоте кое-как стесненные рядком,
Как гости жадные за нищенским столом,
Купцов, чиновников усопших мавзолзи,
Дешевого резца нелепые затеи,
Над ними надписи и в прозе и в стихах
О добродетелях, о службе и чинах;
По старому рогаке вдовицы плач амурный;
Ворами со столбов отвинченные урны,
Могилы склизкие, которы также тут
Зевавчи жильцов к себе на утро ждут, -
Такие смутные мне мысли все наводит,
Что злое на меня уныние находит.
Хоть плюнуть да бежать...

Но как же любо мне
Осенней порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое.
Там неукрашенным могилам есть простор;
К ним ночью темной не лезет бледный вор;
Близ камней вековых, покрытых желтым мохом,

Проходит селянин с молитвой и со вздохом;
На месте праздных урн и мелких пирамид,
Веносых гениев, растрепанных харит
Стоит широко дуб над важными гробами,
Колебясь и шума...

"Invocation" (1830). A lover conjures up, in
the graveyard, the ghost of his dead beloved.

Лейла a conventional poetic name
хладна = холодна
тоскуя yearningly

"God Save me from Madness" (1833). A poem
about ultimate freedom, capable of human
realization only in a state of madness, and
the impossibility even of such a realization
because of the incarceration of the mad in
society.

посох и сума a staff and a bag, the
symbols of a beggar's life
глад = голод
не то, чтоб not that
пламенный бред ("feverish delirium"), ravings
в чаду in intoxication
заслушиваться to lose oneself in the sound
вихорь = вихрь
да вот беда but here's the trouble
дуброва grove

"When I Stroll in the Outskirts of the City"
(1836). A comparison between a city and a
country graveyard. The poem is outstanding for
its virtuosity in the use of a mixture of a
variety of dictions.

под коими = под которыми
в болоте St. Petersburg is partly
built on swampy ground.
рядком diminutive of рядом
резец chisel
нелепые затеи here: tasteless ideas
рогач cuckold
амурный плач amorous sob
склизкие slippery
котормы = которме
зеваучи gerund of зевать
хоть плюнуть да бежать
that I feel like spitting at it all and
любю = хорошо, приятно running away.
селянин = крестьянин
гении... хариты statues on tombstones.
Charites are personifications of beauty.
важный full of dignity

Band 3:

Александр Николаевич Островский (1823-1886).

"Гроза", акт 1, явление 7.

Катерина
... отчего люди не летают так, как птицы? Зна-
ешь, мне иногда кажется, что я птица. Когда
стоишь на горе, так тебя и тянет лететь. Вот
так бы разбежалась, подняла руки и полетела.
Попробовать нешто теперь? (Хочет бежать).

Варвара
Что ты выдумываешь-то?

Катерина (вздыхая)
Какая я была резвая! Я у вас завяла совсем.

Варвара
Ты думаешь, я не вижу?

Катерина
Такая ли я была! Я жила, ни об чем не тужила,
точно птичка на воле. Маменька во мне души не
чаяла, наряжала меня, как куклу, работать не
принуждала; что хочу, бывало, то и делаю. Зна-
ешь, как я жила в девушках? Вот я тебе сейчас
расскажу. Встану я, бывало, рано; коли летом,

так схожу на ключок, умоюсь, принесу с собой
водицы и все, все цветы в доме поляю. У меня
цветов было много, много. Потом пойдем с ма-
менькой в церковь, все и странницы -- у нас
полон дом был странниц да Богомолок. А придем
из церкви, сядем за какую-нибудь работу,
больше по бархату золотом, а странницы станут
рассказывать: где они были, что видели, жития
разные, либо стихи поют. Так до обеда время
и пройдет. Тут старухи уснуть лягут, а я по
саду гуляю. Потом к вечерне, а вечером опять
рассказы да пение. Таково хорошо было!

Варвара
Да ведь и у нас то же самое.

Катерина
Да здесь все как-будто из-под неволи. И до
смерти я любила в церковь ходить! Точно, бы-
вало, я в рай войду, и не вижу никого, и
время не помню, и не слышу, когда служба
кончится. Точно как все это в одну секунду
было. Маменька гозорила, что все, бывало,
смотрят на меня, что со мной делается! А
знаешь: в солнечный день из купола такой
светлый столб вниз идет, и в этом столбе
ходит дым, точно облака, и вижу я, бывало,
будто ангелы в этом столбе летают и поют.
А то, бывало, девушка, ночью встану -- у
нас тоже везде лампадки горели -- да где-
нибудь в уголке и молюсь до утра. Или рано
утром в сад уйду, еще только солнышко вос-
ходит, упаду на колени, молюсь и плачу, и
сама не знаю, о чем молюсь и о чем плачу;
так меня и найдут. И об чем я молилась тог-
да, чего просила -- не знаю; ничего мне не
надобно было, всего у меня было довольно.
А какие сны мне снились, Варенька, какие
сны! Или храмы золотые, или сады какие-то
необыкновенные, и все поют невидимые голоса,
и кипарисом пахнет, и горы, и деревья будто
не такие, как обыкновенно, а как на образах
пишутся. А то будто я летаю, так и летаю по
воздуху. И теперь иногда снится, да редко,
да и не то.

Варвара
А что же?

Катерина (помолчав)
Я умру скоро.

Варвара
Полно, что ты!

Катерина
Нет, я знаю, что умру. Ох, девушка, что-то со
мною недоброе делается, чудо какое-то. Никогда
со мной этого не было. Что-то во мне такое не-
обыкновенно. Точно я снова жить начинаю, ил...
уж и не знаю.

Варвара
Что же с тобой такое?

Катерина (берет ее за руку)
А вот что, Варя, быть греху какому-нибудь!
Такой на меня страх, такой-то на меня страх!
Точно я стою над пропастью и меня кто-то туда
толкает, а удержаться мне не за что. (Хвата-
ется за голову рукой).

Варвара
Что с тобой? Здорова ли ты?

Катерина
Здорова... Лучше бы я больна была, а то не-
хорошо. Лезет мне в голову мечта какая-то.
И никуда я от нее не уйду. Думать стану --
мыслей никак не соберу, молиться -- не отмо-
лжусь никак. Языком лепечу слова, а на уме
совсем не то: точно мне лукавый в уши шепчет,
да все про такие дела нехорошие. И то мне
представляется, что мне самое себя совестно
делается. Что со мной? Перед бедой перед
какой-нибудь это! Ночью, Варя, не спится
мне, все мерещится шепот какой-то: кто-то так
ласково говорит со мной, точно голубит меня,
точно голубь воркует. Уж не снятся мне, Варя,
как прежде, райские деревья да горы; а точно

меня кто-то осанивает так горячо-горячо, и ведет меня куда-то, и я иду за ним, иду...

Варвара
Ну?

Катерина
Да что же это я тебе говорю: ты девушка.

Варвара (оглядываясь)
Говори! Я хуже тебя.

Катерина
Ну что же мне говорить? Стыдно мне.

Варвара
Говори, нужды нет!

Катерина
Сделается мне так душно, так душно дома, что бежала бы. И такая мысль придет на меня, что, кабы моя воля, каталась бы я теперь по Волге, на лодке, с песнями, либо на тройке на хорошей, обнявшись...

Варвара
Только не с мужем.

Катерина
А ты почему знаешь?

Варвара
Еще бы не знать!

Катерина
Ах, Варя, грех у меня на уме. Сколько я, бедная, плакала, чего уж я над собой не делала! Не уйти мне от этого греха. Никуда не уйти. Ведь это нехорошо, ведь это страшный грех, Варенька, что я другого люблю!

Варвара
Что мне тебя судить! У меня свои грехи есть.

Катерина
Что же мне делать! Сил моих нехватает. Куда мне деваться; я от тоски что-нибудь сделаю над собой!

Варвара
Что ты! Что с тобой! Вот, погоди, завтра братец уедет, подумаем; может быть, и видеться можно будет.

Катерина
Нет, нет, не надо! Что ты! Что ты! Сохрани Господи!

Варвара
Чего ты так испугалась?

Катерина
Если я с ним хоть раз увижусь, я убегу из дому, я уж не пойду домой ни за что на свете.

Варвара
А вот погоди, там увидим.

Катерина
Нет, нет, и не говори мне, я и слушать не хочу!

Варвара
А что за охота сохнуть-то! Хоть умирай с тоски, пожалейт что ль тебя! Как же, дождись. Так какая ж неволя себя мучить-то!

The setting of A. Ostrovsky's play, *The Thunderstorm* (1860), is in a provincial town on the Volga. Katherine, young and restless, dislikes the stifling atmosphere in her mother-in-law's house where she has to live. Also, to her horror, she realizes that she is in love with another man. In this scene, she speaks of her idyllic life before marriage to her sister-in-law. In this play, the author often uses folk language, and his rhythms and syntax at times approach those typical of a

folk-song. There are many diminutives: мамонька, клочок, водица, лампадка, солнышко, братец for мама, клоч, вода, лампада, солнце, брат.

лететь лететь you long to fly
NOT так бы и разбежалась you feel
that you could take a run.

нешто разве
не тужила did not worry
души не чаяла - очень любила
"бывало" corresponds to the verbal use of
"I would" in English, when it applies to
habitual action in the past. The subsequent use of simple future (стану...etc) has the same meaning.

в девушках before I was married
странники и богомолки pilgrims
по бархату золотом gold thread on velvet
жизня lives of saints
стихи here: religious songs
таково - так
не-под неволи under restraint
до смерти - очень
как на образах пишутся like those
that are painted on the sacred images

а то - или
так и летаю here: simply flying
полно, что ты! don't say that
быть греху something evil will happen
такой на меня страх - я так боюсь
а то нехорошо as it is it is not good
думать стану - начну думать
не отмолюсь I don't feel the consolation
of praying

лепечу (лепетать - to шипеть)
не то - другое
лукавый - дьявол
совестно - стыдно
перед бедой перед какой-нибудь
repetition of preposition typical of folk-
songs - перед какой-нибудь бедой
(see below на тройке на хорошей).

точно - словно
девушка here: an unmarried girl
нужды нет - неважно
еще бы не знать - конечно, я знаю
над собой - с собой
братец refers to Katherine's husband
сохрани Господи God forbid!
хоть раз at least once
что за охота сохнуть-то
what a /strange/ desire to pine away
хоть умирай even if you die
как же, дождись you'll never see that
какая ж неволя - зачем

Band 4:

Федор Иванович Тютчев (1803-1873)

Русской женщине

Вдали от солнца и природы,
Вдали от света и искусства,
Вдали от жизни и любви
Мелькнут твои младые годы,
Живые помертвеют чувства,
Мечты развеются твои...

И жизнь твоя пройдет незрима,
В краю безлюдном, безымянном,
На незамеченной земле, -
Как исчезает облак дыма
На небе тусклом и туманном,
В осенней беспредельной мгле.

Не рассуждай, не хлопочи!..
Безумство ищет, глупость судит;
Дневные раны сном лечи,
А завтра быть чему, то будет.

Живя, умей все пережить:
Печаль, и радость, и тревогу.

Чего желать? О чем тужить?
День пережит -- и слава Боге!

"Братья Карамазовы", часть 3, книга 7, глава 3

Николай Алексеевич Некрасов (1821-1878)

Песня убогого странника

Я лугами иду -- ветер свищет в лугах:
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименький, холодно!

Я лесами иду -- звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименький, голодно!

Я хлебами иду: что вы тощи, хлеба?
С холоду, странничек, с холоду,
С холоду, родименький, с холоду!

Я стадами иду: что скотинка слаба?
С голоду, странничек, с голоду,
С голоду, родименький, с голоду!

Я в деревню: мужик! ты тепло ли живешь?
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименький, холодно!

Я в другую: мужик! хорошо ли ешь, пьешь?
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименький, голодно!

Уж я в третью: мужик! что ты бабу бьешь?
С холоду, странничек, с холоду,
С холоду, родименький, с холоду!

Я в четверту: мужик! что в кабак ты идешь?
С голоду, странничек, с голоду,
С голоду, родименький, с голоду!

Я опять во луга -- ветер свищет в лугах:
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименький, холодно!

Я опять во леса -- звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименький, голодно!

Two poems by Fyodor Tyutchev.
"To a Russian Woman" (1848)

свет society
младые = молодые
помертветь to atrophy
развеяться to be scattered
облак = облако

"Do not reason..." (1850)

не хлопочи (хлопотать - to trouble
oneself)

а завтра быть чему, то будет and if
something is to happen tomorrow, it will
пережить to outlive happen.
слава Богу thank God

"The Song of a Poor Wanderer" is from Nekrasov's longer poem, "The Peddlars" (1861), and it was called by one noted critic "a cannibal's lullaby". There are diminutives here: странничек, скотинка, родименький (странник, скотина, родимый).

лугами...лесами = через луга...через леса
стадами past the cattle herds
тощий lean
хлеба corn
уж я... a typical beginning of lines in folk-songs.
в четверту = в четвертую
родименький my dear

Band 5:

Федор Михайлович Достоевский (1821-1881)

--Видишь, Алешечка,--нервно рассмеялась вдруг Грушенька, обращаясь к нему,-- это я Ракитке похвалилась, что луковку подала, а тебе не похваляюсь, я тебе с иной целью это скажу. Это только басня, но она хорошая басня, я ее, еще дитей была, от моей Матрены, что теперь у меня в кухарках служит, слышала. Видишь, как это: "Ушла-была одна баба злющая-презлющая и померла. И не осталось после нее ни одной добродетели. Схватили ее черти и кинули в огненное озеро. А ангел-хранитель ее стоит, да и думает: какую бы мне такую ее добродетель припомнить, чтобы Богу сказать. Вспомнил и говорит Богу: она, говорит, в огороде луковку выдернула и нищенке подала. И отвечает ему Бог: возьми ж ты, говорит, эту самую луковку, протяни ей в озеро, пусть ухватится и тянется, и коли вытянешь ее вон из озера, то пусть в рай идет, а оборвется луковка, то там и оставь бабе, где теперь. Побежал ангел к бабе, протянул ей луковку: на, говорит, баба, схватись и тянись. И стал он ее осторожно тянуть, и уж всю было вытянул, да грешники прочие в озере, как увидели, что ее тянут вон, и стали все за нее хвататься, чтоб и их вместе с нею вытянули. А баба-то была злющая-презлющая, и почала она их ногами брыкать: "Меня тянут, а не вас, моя луковка, а не ваша". Только что она это выговорила, луковка-то и порвалась. И упала баба в озеро и горит по сей день. А ангел заплакал и отошел". Вот она, эта басня, Алеша, наизусть запомнила, потому что сама я и есть эта самая баба злющая. Ракитке я похвалилась, что луковку подала, а тебе иначе скажу: всего-то я луковку какую-нибудь во всю жизнь мою подала, всего только на мне и есть добродетели.

"An Onion", from Fyodor Dostoevsky's Brothers Karamazov, is the story told by Grushenka to Alyosha in the presence of the student, Rakitin. She tells it in the style of a folk-tale, with many folk colloquialisms. Diminutives are used often, even in names (Алешечка, Ракитка). Note also the frequently inverted word order.

подала here as in подать милостыню,
"to give alms".

басня here: a story
дитей была = была ребенком
что теперь = которая теперь
в кухарках служит works as a cook
жила-была once upon a time there was
злющая-презлющая = очень злая
да и думает and he thinks
какую бы мне такую добродетель
what sort of virtue should I
тянуться here: to be pulled out
коли = если
протянуть to extend
там и оставь бабе and the woman
must stay where she is
на there, take it!
было here: nearly
как увидишь = когда увидишь
почала = начала
по сей день to this day
всего-то nothing but
луковку какую-нибудь approximately
"one miserable onion"
на мне...есть I...have
почитай = считай
в стыд введешь you will make me ashamed

SIDE II

Band 1:

Александр Александрович Блок (1880-1921)

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

И раздаётся детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины,
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
"In vino veritas!" кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веет древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

Гармоника, гармоника!
Эй, пой, визжи и жги!
Эй, желтенькие лютики,
Весенние цветки!

Там с посвистом да с присвистом
Гуляют до зари,
Кусточки тихим шелестом
Кивают мне: смотри.

Смотрю я -- руки вскинула,
В широкий пляс пошла,
Цветами всех осыпала
И в песне извошла...

Неверная, лукавая,
Коварная -- пляши!
И будь навек отравой
Растроченной души!

С ума сойду, сойду с ума,
Безумствуя, люблю,
Что вся ты -- ночь, и вся ты -- тьма,
И вся ты -- во хмелю...

Что душу отняла мою,
Отравой извела,
Что о тебе, тебе пою,
И песням нет числа!...

И моет берега,
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.

О, Русь моя! Уена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь -- стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

Наш путь -- степной, наш путь -- в тоске
В твоей тоске, о Русь! безбрежной,
И даже мглы -- ночной и зарубежной --
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дмму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет копыль...

И нет конца! Мелькают версты, кручи...
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь!..
Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!

"A Stranger" (1906) was probably Alexander Blok's most famous poem, presenting the poet's mystical experience in the vulgar surroundings of the world. The landscape is that of Ozerki, a suburb of St. Petersburg with its country houses (загородные дачи) and saloons. The poem moves from tedium through mystery to utter intoxication, accompanied by dactylic rhymes which are so rare in English poetry.

глух absorbing sound
тлетворный дух smell of rot
чуть slightly
золотиться to be of a golden color, to shine like gold
крендель булочной (Many bakeries in pre-Revolutionary Russia had signs in the shape of a big golden pretzel.)
шлагбаум a bar closing off a railway crossing

заламывать котелки to wear derby hats in an unusual way, to one side or pushed too far back, suggesting a devil-may-care attitude to everything.
канавы ditch (Dirt roads in the country usually have ditches on both sides).
остряк a fashionable wit
уключина oar-lock
приученный accustomed
кривится диск the disk(moon)smiles wryly
терпкий tart

смирен (from смирить) appeased, tamed
лакеи here: waiters
торчат here: to stand stiffly, immovably
In vino veritas (Latin) The truth is in wine.
шелками схваченный literally "seized by silks", i.e., in a tight silk dress
дыша духами и туманами bringing with her a smell of perfume and mists
поверье legend
в кольцах be-ringed
закованный (from заковать), here: bewitched
поручены, вручено entrusted
излучины windings ("all roads and corners of my soul")

The following poem is the ninth poem from "Incantation by Fire and Darkness" (1907), which, in turn, is a part of the poetic cycle entitled with a woman's name -- Faina, one of Blok's most impassioned works. The portrayal of a dance in the countryside, in the spring,

is reminiscent of Russian popular songs "chastushkas", sung with the accompaniment of the accordion-like "garmionika". However, the melody and the diction in this poem obviously imitates the utter abandon of the sury songs.

Diminutives: желтенькие (желтые), цветки (цветы), кусточки (кусты).

жги (from жечь)

лютик butterflycup

посвист, присвист whistling to accompany something (here, a dance).

гулять here: to have a good time with singing and dancing.

вскинула - подняла

в песне изошла put all her heart into a song.

неверная, лукавая, коварная the unfaithful, sly, treacherous one

пляши (from плясать)

растрченная душа the wasted soul

во хмелю intoxicated

извести to exhaust

The third poem is inspired by the Kulikovo battle (1380), which was the turning point in the liberation of Russia from the Tartar yoke. This symbolist poem is first out of five, entitled "On the Kulikovo Battlefield" and is part of Blok's meditation on Russian history and Russia's future and destiny. "The way", "the darkness", and "the bonfires" are symbolic of these these thoughts. The poem begins with a Middle Russian landscape.

река раскинулась the river spread itself out

обрыв a sudden drop of a bank

Русь the old name of Russia

домчимся (from мчаться) we shall reach our destination

кобылица a female horse (here a symbol of Russia).

летит here: runs very fast

мнет (from мять, "to trample")

ковья grass ("feather-grass") which covers wide areas of the steppes

версты (верста, old Russian linear measure, about 2/3 of a mile) here: mile-posts

несется вскачь gallops swiftly

Band 2:

Лев Николаевич Толстой (1828-1910)

"Боскресение", часть 1, глава 37.

Была темная осенняя, дождливая, ветряная ночь. Дождь то начинал хлестать теплыми крупными каплями, то переставал. В поле, под ногами, не было видно дороги, а в лесу было темно, как в печи, и Катюша, хотя и знала хорошо дорогу, сбилась с нее в лесу и дошла до маленькой станции, на которой поезд стоял 3 минуты, не заходя, как она надеялась, а после второго звонка. Выбежав на платформу, Катюша тотчас же в окне вагона первого класса увидела его. В вагоне этом был особенно яркий свет. На бархатных креслах сидели друг против друга два офицера без сюртуков и играли в карты. На столике у окна горели отекшие толстые свечи. Он в обтянутых рейтузах и белой рубашке сидел на ручке кресла, облокотившись на его спинку, и чему-то смеялся. Как только она узнала его, она стукнула в окно зазубной рукой. Но в это самое время ударил третий звонок, и поезд медленно тронулся, сначала назад, а потом один за другим стали подвигаться вперед толчками сдвигаемые вагоны. Один из играющих встал с картами в руках и стал глядеть в окно. Она стукнула еще раз и приложила лицо к стеклу. В это время дернулся и тот вагон, у которого она стояла, и пошел. Она пошла за ним, смотря в окно. Офицер хотел опустить окно, но никак не мог. Нехлюдов встал и, оттолкнув того офицера, стал спускаться. Поезд прибавил хода. Она шла быстрым шагом, не отставая, но поезд все прибавлял и прибав-

лял хода, и в ту самую минуту, как окно спустилось, кондуктор оттолкнул ее и вскочил в вагон. Катюша отстала, но все бежала по мокрым доскам платформы; потом платформа кончилась, и она насилу удержалась, чтобы не упасть, сбега по ступенькам на землю. Она бежала, но вагон первого класса был впереди. Мимо нее бежали уже вагоны второго класса, потом еще быстрее побежали вагоны третьего класса, но она все-таки бежала. Когда пробежал последний вагон с фонарем сзади, она была за водокачкой, вне защиты, и ветер набросился на нее, срывая с головы ее платок и облепляя с одной стороны платьем ее ноги. Платок снесло с нее ветром, но она все бежала.

-- Тетенька, Михайловна!-- кричала девочка, едва поспевая за ней.-- Платок потеряли!

"Он в освещенном вагоне, на бархатном кресле сидит, шутит, пьет, а я вот здесь, в грязи, в темноте, под дождем и ветром -- стою и плачу", подумала Катюша, остановилась и, закинув голову назад и схватившись за нее руками, зарыдала.

-- Уехал! -- закричала она.

Девочка испугалась и обняла ее за мокрое платье.

-- Тетенька, домой пойдем.

"Пройдет поезд -- по вагон, и кончено", думала между тем Катюша, не отвечая девочке. Она решила, что сделает так. Но тут же, как это и всегда бывает в первую минуту затишья после волнения, он, ребенок -- его ребенок, который был в ней, вдруг возрогнул, стукнулся и плавно потянулся и опять стал толкаться чем-то тонким, нежным и острым. И вдруг все то, что за минуту так мучало ее, что, казалось, нельзя было жить, вся злоба на него и желание отомстить ему хоть своей смертью, -- все это вдруг отдалилось. Она успокоилась, оправилась, закуталась платком и поспешно пошла домой.

An excerpt from Leo Tolstoy's Resurrection (1899). Katyusha, a housemaid at the home of two elderly ladies is at the station looking for Nekhlyudov, her mistresses' nephew, in a train that is passing by. Nekhlyudov, who seduced her sometime ago, was supposed to come to see his aunts, but, unexpectedly, sent a telegram informing them that he was unable to come. Katyusha wants to see him to tell him that she is pregnant.

хлестать to pelt down

черно, как в печи pitch-black (T. has in mind the big stove in which Russian

peasants bake bread and keep their food

сбилась got off (the path). warm.)

не заходя not before

после второго звонка (There are three consecutive soundings of a bell on Russian RR stations; after the third one the train

сюртук coat departs.)

отекшие свечи dripping candles

обтянутые рейтузы close-fitted breeches

облокотившись на его спинку

leaning against the back (of the armchair).

зазубной рукой with benumbed hand

толчками in jerks

сдвигаемые being pushed together

дернулся moved in a jerk

опустить окно to lower (open) the window

насилу удержалась could hardly stop herself

прибавлять хода to increase speed

водокачка water-tower

облепляя с одной стороны платьем ее

ноги making the skirt cling on one side

around her legs.

тетенька, Михайловна (The girl first calls K. "auntie", as children in Russia may call any adult woman who is not a relative, then uses her patronymic only which is customary among peasants and working men).

стал толкаться - начал стучать

за минуту - минуту тому назад

Шуточка

Ясный зимний полдень... Мороз крепок, трещит, и у Наденьки, которая держит меня под руку, покрываются серебристым инеем кудри на висках и пушок над верхней губой. Мы стоим на высокой горе. От наших ног до самой земли тянется покатая плоскость, в которую солнце глядится, как в зеркало. Возле нас маленькие санки, обитые ярко-красным сукном.

-- Съедемте вниз, Надежда Петровна! -- умоляю я. -- Один только раз! Уверю вас, мы останемся целы и невредимы.

Но Наденька боится. Все пространство от ее маленьких калош до конца ледяной горы кажется ей страшной, неизмеримо глубокой пропастью. У нее замирает дух и прерывается дыхание, когда она глядит вниз, когда я только предлагаю сесть в санки, но что же будет, если она рискнет полететь в пропасть! Она умрет, сойдет с ума.

-- Умоляю вас! -- говорю я. -- Не надо бояться! Поймите же, это малодушие, трусость!

Наденька наконец уступает, и я по лицу вижу, что она уступает с опасностью для жизни. Я сажаю ее бледную, дрожащую в санки, обхватываю рукой и вместе с нею низвергаюсь в бездну.

Санки летят, как пуля. Рассекаемый воздух бьет в лицо, ревет, свистит в ушах, ревет, больно щиплет от злости, хочет сорвать с плеч голову. От напора ветра нет сил дышать. Кажется, сам дьявол обхватил нас лапами и с ревом тащит в ад. Окружающие предметы сливаются в одну длинную, стремительно бегущую полосу... Вот-вот еще мгновение и кажется, -- мы погибнем!

-- Я люблю вас, Надя! -- говорю я вполголоса.

Санки начинают бежать все тише и тише, ревет ветра и жужжанье полозьев не так уже страшно, дыхание перестает замирать, и мы, наконец, внизу. Наденька ни жива ни мертва. Она бледна, едва дышит... Я помогаю ей подняться.

-- Ни за что в другой раз не поеду, -- говорит она, глядя на меня широкими, полными ужаса глазами. -- Ни за что на свете! Я едва не умерла!

Немного погодя она приходит в себя и уже вопросительно заглядывает мне в глаза: я ли сказал те четыре слова, или же они только послышались ей в шуме вихря? А я стою возле нее, курю и внимательно рассматриваю свою перчатку.

Она берет меня под руку, и мы долго гуляем около горы. Загадка, видимо, не дает ей покоя. Были сказаны те слова или нет? Да, или нет? Да, или нет? Это вопрос самолюбия, чести, жизни, счастья, вопрос очень важный, самый важный на свете. Наденька нетерпеливо, грустно, пронцающим взором заглядывает мне в лицо, отвечает невпопад, ждет, не заговорю ли я. О, какая игра на этом милом лице, какая игра! Я вижу, она борется с собой, ей нужно что-то сказать, о чем-то спросить, но она не находит слов, ей неловко, страшно, мешает радость... --Знаете что?-- говорит она, не глядя на меня.

--Что?-- спрашиваю я.

--Давайте еще раз... прокатим.

Мы взбираемся по лестнице на гору. Опять я сажаю бледную, дрожащую Наденьку в санки, опять мы летим в страшную пропасть, опять ревет ветер и жужжат полозья, и опять при самом сильном и шумном разгоне санок я говорю вполголоса:

--Я люблю вас, Наденька!

Когда останавливаются, Наденька окидывает взглядом гору, по которой мы только что катили, потом долго всматривается в мое лицо, вслушивается в мой голос, равнодушный и бесстрастный, и вся, вся, даже муфта и башлык ее, вся ее фигурка -- выражают недоумение. И на лице у нее

написано:

--В чем же дело? Кто произнес те слова? Он, или мне только послышалось?

Эта неизвестность беспокоит ее, выводит из терпения. Бедная девочка не отвечает на вопросы, хмурится, готова заплакать.

-- Не пойти ли нам домой? -- спрашиваю я.

-- А мне...мне нравится это катанье,-- говорит она, краснея.--Не поехать ли нам еще раз?

Ей "нравится" это катанье, а между тем, садясь в санки, она, как и в те разы, бледна, еле дышит от страха, дрожит.

Мы спускаемся в третий раз, и я вижу, как она смотрит мне в лицо, следит за моими губами. Но я прикладываю к губам платок, кашляю и, когда достигаем середины горы, успеваю вымолвить:

-- Я люблю вас, Надя!

И загадка остается загадкой! Наденька молчит, о чем-то думает...Я провожаю ее с катка домой, она старается идти тише, замедляет шаги и все ждет, не скажу ли я ей тех слов. И я вижу, как страдает ее душа, как она делает усилия над собой, чтобы не сказать:

-- Не может же быть, чтоб их говорил ветер! И я не хочу, чтобы это говорил ветер!

На другой день утром я получаю записочку: "Если пойдете сегодня на каток, то заходите за мной. Н." И с этого дня я с Наденькой начинаю каждый день ходить на каток и, слетая вниз на санках, я всякий раз произношу вполголоса одни и те же слова:

--Я люблю вас, Надя.

Скоро Наденька привыкает к этой фразе, как к вину или морфию. Она жить без нее не может. Правда, лететь с горы попрежнему страшно, но теперь уже страх и опасность придают особое очарование словам о любви, словам, которые попрежнему составляют загадку и томят душу. Подозреваются все те же двое: я и ветер... Кто из двух признается ей в любви, она не знает, но ей, повидимому, уже все равно; из какого сосуда ни пить -- все равно, лишь бы быть пьяным.

Как-то в полдень я отправился на каток один; смешавшись с толпой, я вижу, как к горе подходит Наденька, как ищет глазами меня... Затем она робко идет вверх по лестнице...Страшно ехать одной, о как страшно! Она бледна как снег, дрожит, она идет точно на казнь, но идет, идет без оглядки, решительно. Она, очевидно, решила, наконец, попробовать: будут ли слышны те изумительные, сладкие слова, когда меня нет? Я вижу, как она, бледная, с раскрытым от ужаса ртом, садится в санки, закрывает глаза и, простившись навеки с землей, трогается с места... "Жужж"...жужжат полозья. Слышит ли Наденька те слова, я не знаю... Я вижу только, как она поднимается из саней изнеможенная, слабая. И видно по ее лицу, она и сама не знает, слышала она что-нибудь или нет. Страх, пока она катила вниз, отнял у нее способность слышать, различать звуки, понимать...

Но вот наступает весенний месяц март... Солнце становится ласковее. Наша ледяная гора темнеет, теряет свой блеск и тает, наконец. Мы перестаем кататься. Бедной Наденьке больше уж негде слышать тех слов, да и некому произносить их, так как ветра не слышно, а я собираюсь в Петербург -- надолго, должно быть, навсегда.

Как-то перед отъездом, дня за два, в сумерки сижу я в садике, а от двора, в котором живет Наденька, садик этот отделен высоким забором с гвоздями...Еще достаточно холодно, под навозом еще снег, деревья мертвы, но уже пахнет весной, и, укладываясь на ночлег, шумно кричат грачи. Я подхожу к забору и долго смотрю в щель. Я вижу, как Наденька выходит на крылечко и устремляет печальный, тоскующий взор на небо...Весенний ветер дует ей прямо в бледное, унылое лицо... Он напоминает ей о том ветре, который ревел нам тогда на горе, когда она слышала те четыре слова, и лицо у нее становится грустным-грустным, по щеке ползет слеза...И бедная девочка протягивает обе руки, как бы прося этот ветер принести ей еще раз те слова. И я, дождавшись ветра, говорю вполголоса:

-- Я люблю вас, Надя!
Боже мой, что делается с Наденькой! Она
вскрикивает, улыбается во все лицо и протяги-
вает навстречу ветру руки, радостная, счаст-
ливая, такая красивая.

А я иду укладываться...
Это было уже давно. Теперь Наденька уже
замужем; ее выдали, или она сама вышла --
это все равно, за секретаря дворянской опеки,
и теперь у нее уже трое детей. То, как мы
вместе когда-то ходили на каток и как ветер
доносил до нее слова "я люблю вас, Надя", не
забыто; для нее теперь это самое счастливое,
самое трогательное и прекрасное воспоминание
в жизни...

А мне теперь, когда я стал старше, уже не
понятно, зачем я говорил те слова, для чего
шутя...

"The Jest" (1886) is among Anton Chekhov's
early stories. In the winter, snow hills
(here ледяная гора), often artificial-
ly made in Russian city parks and skating
rinks (каток), are used for tobogganing,
which is one of the favorite sports of Rus-
sian youth and children.

держит меня под руку standing arm-in-arm
пушок down, fluff
покатающаяся плоскость steep incline
санки sled, toboggan
обитые...сукном upholstered
Наденька affectionate form of Надя, a dimi-
nutive of Надежда, which below is given with
patronymic as Надежда Петровна.
калоши overshoes (worn by many Russians
during the winter and muddy seasons)
замирает дух one's heart freezes
низвергаться в бездну to plunge into an
рассекаемый воздух the riven air. abyss
шиплет (from шипать, "to pluck")
напор pressure
стремительно бегущая полоса speeding streak-
жужжанье полозьев the runners, like swift-
ни жива ни мертва more dead than alive
ни за что на свете not for anything in
the world.

немного погодя in a few minutes
приходить в себя to come to
самольбие pride
проницающий взор searching look
невыпадение at random
прокатить to take a ride
разлет rush
башлык a hood (often worn by Russian child-
ren in winter).

ей послышалась she imagined
выводить из терпения to try one's patience
краснея with a blush
не проехать ли нам еще раз
shall we have another ride?
делать усилия над собой to make an effort
not to do something

не может быть, чтобы их говорил
ветер the wind could not have said them
придавать очарование to lend fascination
томить to torment
оглядка backward look
изнеможенная exhausted
ласковее kinder
как-то-однажды
дня за два two days before
негде слышать nowhere to hear
некому произносить no one to utter
отделен separated
под навозом еще снег (The dung is that of
horses. For Chekhov, snow under dung is a
perfect picture of early spring).

укладываясь на ночлег getting settled
for the night
грачи rooks (very typical of Russian cities
and countryside).

устремляет...взор gazes
ползет слеза a tear rolls down
дождавшись ветра waiting for a gust
(to carry the words)

укладываться to pack one's things
ее выдали или она сама вышла whether
they married her off or whether she married

of her own accord.
дворянская опека The Court of Wards of
Gentry.

Note also diminutives шуточка (шутка),
записочка (записка), фигурка (фигура),
лесенка (лестница), садик (сад),
крылечко (крыльцо).

"Treating Horse Well" (1918) has Kuznetsky Most,
one of the main thoroughfares of Moscow, as the
scene of action. A horse falling on a slippery
pavement may still be a familiar occurrence.
Mayakovsky's poem is written in his unmistakable
style, with unusual word order, words coined
by the poet, and original compound rhymes.

гриб, грабь, гроб, груб "mushroom", "rob",
"coffin", "rude" are ugly words suggested
by the sound of the hoofs on the pavement
of the ugly city.
ветром опита approx., "licked by the wind";
literally, "drunk all around by the wind".
грохнуться to fall heavily
зевака street gaper
клевшить a verb coined by M. from клеш
(from Fr. "cloche", the bell), fashionable
trousers with widening at the ends, worn
at that time by sailors and Russian "zoot-
suiters". Approximate translation of the
phrase: those who came to flaunt their
stylishness on Kuznetsky.

сгрудиться to form a crowd
звенеть, "to clank" and звякать, "to tinkle",
suggest, in their metallic quality, the
soullessness of those looking at the
horse and laughing.
в вой ему - в его/Кузнецкого/ вой
улица опрокинулась the street turned over.
The poet sees the upside-down reflexion of
the street in the eyes of the horse that
каплища augmentative of капля fell.
(a drop); here: a tear.
плеща (gerund of плескать) - splashing
плоче - хуже
деточка a colloquial diminutive of дитя,
sometimes used for addressing women (roughly
equivalent to American "baby")

пошла short form of пошлая ("vulgar",
"trivial").
ржануть (from ржать) - to produce a neigh
помахивать to wag
жеребенок foal
стоило жить it was worth living

Band 4:

Владимир Владимирович Маяковский (1893-1930)

Хорошее отношение к лошадям

Били копыта.
Пели будто:
-- Гриб,
Грабь,
Гроб,
Груб.-
Ветром опита,
льдом обута,
улица скользнула.
Лошадь на круп
грохнулась,
и сразу
за зевакой зевака,
штаны пришедшие Кузнецким клешить,
сгрудились,
смех зазвенел и зазвякал:
-- Лошадь упала! --
-- Упала лошадь! --
Смеялся Кузнецкий.
Лишь один я
голос свой не вмешивал в вой ему.
Подожел
и вижу
глаза лошадинные...
Улица опрокинулась,
течет по-своему...
Подожел и вижу --

за каплищей каплица
по морде катится,
прячется в шерсти...
И какая-то общая
звериная тоска
плеча вылилась из меня
и расплылась в шелесте.
"Лошадь, не надо.
Лошадь, слушайте --
чего вы думаете, что вы их плоше?
Деточка,
все мы немножко лошади,
каждый из нас по-своему лошадь".
Может быть
-- старая --
и не нуждалась в няньке,
может быть, и мысль ей моя показалась
пошла,

только
лошадь
рванулась,
встала на ноги,
ржанула
и пошла.
Хвостом помахивала.
Рыжий ребенок.
Пришла веселая,
стала в стойло.
И все ей казалось --
Она жеребенок,
и стоило жить,
и работать стойло.

Отношение к барышне

Этот вечер решал --
не в любовники выйти ль нам? --
Темно,
никто не увидит нас.
Я склонился действительно,
и действительно
я,
наклонясь,
сказал ей,
как добрый родитель:
"Страсти крут обрыв --
будьте добры,
стойдите.
Отойдите,
будьте добры".

"How to Treat a Girl" (1920). Despite the Mayakovsky cult in the USSR and the poem's unusual charm (or maybe because of the latter), it is ignored by critics and not included in anthologies.

не в любовники выйти ль нам? shouldn't
we become lovers?
действительно in fact, actually, indeed,
sure enough.
наклониться to lean forward
страсти крут обрыв the precipice of
passion is deep
будьте добры be so kind as

Ванд 5:

Вера Федоровна Панова (б. 1905)

"В старой Москве", сцена 5.

Анюта
Вам очень хочется есть?

Бутов
Очень.

Анюта
А мне всегда не хочется. Отчего это?

Бутов
Потому что ты на воздухе не бываешь.

Анюта
Когда ж бывать? Утром я к Софье Павловне иду.
Приду от Софьи Павловны -- надо маме помочь,
помы посуду, прибрать посуду. А там и спать
пора. Вы устали?

Бутов
Нет, ничего.

Анюта
А я устала... Знаете, мне скоро будет шестнадцатилет.

Бутов
Совсем большая девица.

Анюта
Мне Софья Павловна прибавит жалованья. Буду
получать тринадцать рублей.

Бутов
Ого!

Анюта
Да. Только мне, наверно, придется платить домой
за харчи. Я ведь у Софьи Павловны не столуюсь.
С Сереги отец уже давно берет, а с меня нет
еще, потому что я мало получаю. И с Ксени брал,
и с Павла... Теперь, наверно, и с меня возьмет...
А если не возьмет, то самой навязывать деньги
не нужно, правда? Все равно я почти ничего не
ем. А платья и башмаки сама себе покупаю. Я
хочу купить газовый шарф, бледно-розовый, мне
так нравится... Знаете что?

Бутов
Ну? Не знаю.

Анюта
Поедьте в воскресенье в Нескучный сад.

Бутов (ласково передразнивая)
Тебе очень хочется?

Анюта
Очень. Ксения была, а я нет.

Бутов
Зимой разве пускают в Нескучный?

Анюта
Может, пустят. Мы по дорожкам походим. Там,
наверно, снег белый, чистый... и деревья белые
...и воздух блестит. Знаете, воздух блестит,
когда мороз, -- такими скоренькими блестячками
... Ей-Богу, поедьте, Родион Николаич.

Бутов
В воскресенье. В воскресенье я весь день занят,
Анютини глазки.

Анюта
Весь день? А вечером?.. Знаете что: поедьте
вечером в театр. Я билеты куплю, у меня есть
деньги, ей-Богу, три рубля. Ксения была, а я
никогда.

Бутов
Пойди с Сережей.

Анюта
Я хочу с вами.

Бутов
Да почему?

Анюта
Так. Серега -- брат.

Бутов
Вот -- самое тебе подходящее: пойти в театр с
братом. Ведь ты еще девочка, маленькая дево-
чка...

Анюта
Неправда! Я давно не девочка, только никто не
видит. Я уже три года работаю. Через год за-

муж выйду. Надоело мне дома...

Бутов
Жених есть на примете?

Анюта (помолчав)
Может, и есть.

Бутов
Красивый, с усиками?

Анюта
Не очень красивый.

Бутов
Умный, по крайней мере?

Анюта
Когда умный, а когда и не очень...

Бутов
За неумного не иди.

Анюта
Вы не хотите, чтобы я шла?

Бутов
В шестнадцать лет вообще рано. Искалечить жизнь.

Анюта
Она все одно калечная. Жизнь-то.

Бутов
Не всегда же она будет такая.

Анюта
Скажите -- другая будет?

Бутов
Будет.

Анюта
Обязательно?

Бутов
Обязательно.

Анюта
Вы говорите, как будто знаете.

Бутов
Я знаю. И ты это знай.

Анюта
И скоро она будет, другая?

Бутов
Скоро. Мы с тобой увидим ее.

Анюта
Ей-Богу?

Бутов
Береги себя для другой жизни.

Анюта
А вдруг вы обманываете, тогда что? Засижусь в девках, все буду наметывать и швы тачать -- беречь себя... для другой жизни, а она не придет. И стану старой и злая. И помру. И наденут мне белые чулки, руки сложат крестом... И вы придете проститься, тоже старенький, голова трясется... И скажете: эх, Анютины глазки, не дождалась ты другой жизни и эту проворонила!.. А я скажу: молчали б лучше; из-за кого проворонила, из-за вас же. Хоть тихо, а скажу. Хоть тихо, а вы обязательно услышите.

Бутов
Плачешь, этого не доставало... Сама себя разжалобила? Умирать не хочется?

Анюта
Не хочется.

Бутов
Да зачем же умирать? Мы долго будем жить. И в театр с тобой пойдем, и в Нескучном саду погуляем, и чего-чего еще у нас не будет!..

Слушай -- мы с тобой в новой жизни встретимся; вспомним, как мы в этом подвале сидели, как ты меня обедом кормила, и плакала, и на похороны приглашала, и ты засмеешься, -- ну, уже смеешься, все в порядке!

Анюта
Родион Николаич, почему вы такой?... Вы, ну я не знаю, таких людей, по-моему, больше и нету... Почему мне возле вас до того хорошо, до того хорошо...

Молчание. Шаги за стеной.

Бутов
Это не Сережа вернулся? Нет, это Иван Степанович самовар ставит. Сейчас начнет колоть лучину.

Слышно, как колют лучину.

Сейчас придет сюда и будет на кого-нибудь сердиться.

Анюта
Родион Николаич, так не нужно со мной говорить. Я не маленькая. Я, может, больше вашего перевидала. У нас, например, почти все девчонки гуляют. Скажете -- плохо?

Бутов
Что же тут хорошего?

Анюта
Ой, какие вы, ей-Богу, скорые, когда судите девчонку! А вы подумайте: вот наденет она в воскресенье шарфик какой-нибудь и идет под ручку по бульвару, и воображает, что она уж такая нарядная, такая красивая! И что в нее может влюбиться кто хочешь... и что в романах про таких вот именно пишут, как она... Да что бы она была без этого воображения? Она бы и жить не захотела, если б не воображала иногда... Вы не смотрите, как мы живем. Мы живем очень хорошо. У нас квартира, все на кроватях спим -- правда, Серега на лавке... Всегда есть чай, сахар, обед... Не все так! Есть такие дети, Родион Николаич, такие дети... Ну, вырастут эти детки. Что они видели, какая у них может быть радость?.. Так что нечего нас, девчонок, презирать.

Бутов
Да кто тебе сказал, что я презираю?! С чего ты взяла?

Анюта
Вот с того. Вот вижу. Я все вижу, не беспокоитесь. (упавшим голосом.) Вы на Любовь Андреевну хотите жениться.

Бутов
Тыши!.. Что ты на самом деле!

Анюта
Ее дома нет. И она тоже хочет.

Бутов
Да мы с ней почти не говорим...

Анюта
Ничего не значит. Я вижу.

Бутов
Что ты видишь?

Анюта
Как она на вас смотрит. И как вы на нее смотрите.

Бутов
Фантазерка, все сочиняешь что-то, сочиняешь..

Анюта (с надеждой)
Вы на ней не женитесь?

Бутов
Куда мне жениться, посуды. Я же птица перелетная, ни кола, ни угла, вчера в Казани, нынче в Москве, завтра, может быть, еще куда-нибудь поеду... счастья искать. Где тут семьей обяза-

ВОДИТЬСЯ...

Анютa

A может, Бог даст, повезет вам, и устроитесь хорошо, и можно будет тогда... Знаете что? Мне еще правда рано замуж. Я подожду.

Vera Panova is probably the only novelist of the first rank to appear in Soviet literature after World War II. She has also written plays. This excerpt is from In Old Moscow, which portrays life in the city at the beginning of the century. Anyuta, the teen-age daughter of a working man, is speaking to their lodger, Butov, with whom she is secretly in love. Butov belongs to an underground political organization. The conversation contains many colloquial expressions.

а там = а тогда харчи board столоваться to board навязывать деньги to offer money when not being asked to pay газовый шарф a gauze kerchief Нескучный сад the well-known park in Moscow может = может быть скоренькими блестячками (diminutives of скорые and блестяки respectively) in shimmering tinsels ей-Богу word of honor! Анютини Глазки (literary, Anyuta's eyes), pansy, heartsease. Butov's nicknames Aniuta (informal for Anna) with the name of a flower. на примете in prospect усяки diminutive of усяк когда = иногда

искалечить жизнь you shall cripple your life калечная colloquial for искалеченная, все одно = все равно "crippled" береги себя take care of yourself засижусь в девках will remain an old maid наметывать to baste швы тачать (sing. шов) to stitch помру = умру руки сложат крестом they will fold my hands like a cross старенький diminutive of старый проворонить to miss one's chance разжалобить here: to move oneself to tears и чего-чего еще у нас не будет = у нас будет много всего до того хорошо = так хорошо ставить самовар to prepare the samovar for tea колоть лучину to make kindling перевидала= видала (пере- suggests here a great amount of individual objects девочки гуляют girls are dating в романах (The wrong stress suggests a low educational level). на лавке on the bench нечего нас = нас не нужно с чего ты взяла? - Вот с того where did you get such an idea? - I just got it and that's что ты на самом деле what are you doing! that. сочинять to invent, to dream up птица перелетная bird of passage ни кола, ни угла (lit., "neither picket, nor corner") neither house, nor home. семьей обзаводиться to settle down to married life Бог даст with God's help повезет вам you will be lucky

OTHER FOREIGN LANGUAGE INSTRUCTION, LITERATURE AND FOLK SONGS ON FOLKWAYS RECORDS

RUSSIAN

Language Instruction

FC7743 RUSSIAN SONGS FOR CHILDREN for learning Russian. sung by Gedita Petry with guitar. 15 songs are: Children, Get Ready For School; Rooster, Rooster; The Kid (Little Goat) The Captured Bird; Playful Katy; Little Bird; When the Sun Gets Tired; Rain, Rain, Go Away; Bunny Rabbit; The Dog and the Popa; Little Finch; Lullaby; Katiusha; Lullaby; Song About A Captain. Complete Russian text and English translation. 1-12" 33-1/3 rpm longplay record \$4.98

FI8160 THE RUSSIAN ALPHABET GUIDE, read by I. I. Nikanov. Pronunciations for the complete Russian alphabet, using each letter with typical Russian words showing the changes in pronunciation in different combinations of letters. With complete, two-color visual chart. 2-12" 33-1/3 rpm longplay record \$11.90

FI8161 GETTING ALONG IN RUSSIAN, Vol. 1. Prepared by Dr. Mario Pei, Columbia University and Fedor I. Nikanov, Language Guild, narrated by Mr. Nikanov and Countess Buxhoeveden. Typical phrases for communicating in everyday situations. Passport, Baggage, Tickets, Travel by Ship, Travel by Bus or Streetcar, Travel by Taxi or Other Hired Conveyance, Numerals, Places of Interest, Cable and Telephone. Accompanying booklet includes English phrase text, the Russian Phonetic and text in Russian. 1-12" 33-1/3 rpm longplay record \$5.95

FI8162 GETTING ALONG IN RUSSIAN, Vol. 2. Prepared by Dr. Mario Pei, Columbia University and Fedor I. Nikanov, Language Guild, narrated by Mr. Nikanov and Countess Buxhoeveden. Typical phrases for communicating in everyday situations. Greetings, Etiquette, Social Amenities, Money, Bank, Measures, Writing and Post Office, Hotel, Boarding House, Apartment, Laundry, Dry Cleaning, Barbershop, Beauty Salon. Accompanying booklet includes English phrase text, the Russian Phonetic and text in Russian. 1-12" 33-1/3 rpm longplay record \$5.95

FL9206 LEARNING RUSSIAN. A complete guide to mastering this most important language. From the beginnings of the alphabet you are led through all the facets of conversing in now-a-day Russia. A book of 280 pages, published by Ryerson Press accompanies this set. 6-12" 33-1/3 rpm longplay records \$45.00

Literature

FL9953 STORIES OF ANTON CHEKHOV, read in Russian by Karp Korolenko; five tales by one of the giants of Russian literature; The Death of the Official, The Chameleon, The Horse-Name, Corporal Prischibeget, Mourning. Complete Russian text. 1-12" 33-1/3 rpm longplay record \$5.95

FL9955 THE OVERCOAT BY NIKOLAI GOGOL; a dramatization in Russian with a cast of seven; produced by A. Lobanov; directed by A. Ilyina; with music. Complete Russian and English text in accompanying booklet. Edited and with English translation by Elizabeth Kresky. 1-12 33-1/3 rpm longplay record \$5.95

FL9960 RUSSIAN POETRY, read by Larissa Gatova. Eighteen poems and one prose excerpt including words of Pushkin, Tyutchev, Lermontov, Fet, Gogol, Nekrassov Russian and English text. 1-12" 33-1/3 rpm longplay record \$5.95

FL9962 MODERN SOVIET POETRY AND HUMOR read by Alexander Demidov. Complete Russian and English texts. The Delights of Culture (Michael Michaelovich Zoschenko), The Dictaphone (M. M. Zoschenko), Passport (Vladimir Vladimirovich), The Public Baths (M. M. Zoschenko), The Aristocrat (M. M. Zoschenko), The Homecoming (Sergei Alexandrovich Yessenin), Flowers (S. A. Yessenin). 1-12" 33-1/3 rpm longplay record \$5.95

Folk Songs

FW6820 RUSSIAN-FOLKSONGS (Piatnitsky Chorus) A Stone Mountain Fears No Winds. Ducks in Flight, Balalaika Tunes, Leave-Taking, The New Porch, My Beloved Walked Down the Road, Who knows? Oh, Mists and Dew, Farm Dance (Instrumental). Words in Russian and English. 1-10" 33-1/3 rpm longplay record \$4.25

FW8754 RUSSIAN CHORAL MUSIC from: Ukraine, Caucasia, Gur'ya, Georgia, Voronia, Byzantine (orthodox church). Women's, men's mixed choruses. Notes by Henry Cowell. 1-12" 33-1/3 rpm longplay record \$5.95

FR8972 THE DOUKHOBORS of British Columbia. A religious sect, this Russian ethnic community in Canada, confirms its beliefs in songs of unhibited faith. Among these are: Declaration of Faiths, Land of Treasure, End of Meeting Song, O Mountain of Holy Zion, High Went Up the Star in the Sky. Notes and texts. 1-12" 33-1/3 rpm longplay record \$5.95

UKRAINIAN

Literature

FL9952 TARAS SHEVCHENKO, readings from his works; read in Ukrainian by artists of the Ukraine; postavlyu Khatu 1 Kimnatu (Pill Build a House), Meni Trinadtsyat Minalo (I Was Thirteen), Yakbi Vi Znali Panichi (If You But Knew), Svite Yasny (Bright World), I Veris Va Na Chuzhyni (And I Grew Up in a Strange Land), I Zolotoyi I Dorohoyi (Golden and Dear), Minayut Dni, MINAYUT Nochi (The Days Go By), Dum'i Moyi (Thoughts of Mine), Meni Zdayetsya (It Seems To Me); Entr'acte and Excerpt from Act 3 of the Opera "Katerina" based on the poem by Taras Shevchenko with Choir and Symphony Orchestra of the Kiev Radio. With complete texts in Ukrainian and English. 1-12" 33-1/3 rpm longplay record \$5.95

Folk Songs

FE4443 (P443) MUSIC OF THE UKRAINE, recorded in the Ukraine. Songs and dances from Central Ukraine and Carpathian Mountains. Gutsul, Kozachok, Hutsulka, wedding melodies, Hukulka, village orchestras. Notes by Henry Cowell. 1-12" 33-1/3 rpm longplay record \$5.95

FW6828 (FP828) UKRAINIAN CHRISTMAS SONGS. Recorded by Laura Boulton in Canada. Text in Ukrainian and English. 1-10" 33-1/3 rpm longplay record \$4.25

FW8705 THE KOBZA - SONGS AND TUNES; folk, traditional popular Ukrainian songs played and sung in Ukrainian on the traditional Ukrainian folk instrument, the Kobza, by Paul Knoblenko. A Cossack Was Leaving for War, The Black Cloud, O Betrothed Maiden, Oh My Mother Told Me, For Your Cherry Lips, Ukrainian Folk Dances, Bayda, O Green Oak Tree, Our Ukraine, Blow Wind Unto Ukraine, There Stands A Mountain, A Bundle of Jocund Folk Songs. Ukrainian texts, English translations. 1-12" 33-1/3 rpm longplay record \$5.95

POLISH

Literature

FL9401 POETRY OF JULIUSZ SLOWACKI (1809-1849). Includes: Hymn, Rozlaczzenie (Separation), Grob Agamemnona (The Tomb of Agamemnon), Uspokojenie (Appeasement), Pogrzeb Kapitana Meyznera (The Funeral of Captain Meyzner), Do Ludwika Bobrownej (To Ludwika Brown). Testament moj (My Last Will and Testament). 1-12" 33-1/3 rpm longplay record \$5.95